

References

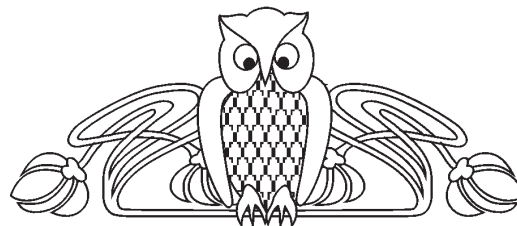
1. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* (Philosophy of science: a brief encyclopedia {main directions, concepts, categories}). Moscow, 2008. 692 p.
2. Hübner K. *Die Wahrheit des Mythos*. München, 1985. 415 S. (Russ. ed.: Hubner K. *Istina mifa*. Moscow, 1996. 448 p.).
3. Kosarev A. F. *Filosofia mifa: Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost* (Mythology and its heuristic significance). St.-Petersburg, 2000. 304 p.
4. Gaydenko P. P. *Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum* (Scientific rationality and philosophical mind). Moscow, 2003. 528 p.
5. Eliade M. *Aspecte que mithe*. Paris, 1964. 187 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2000. 224 p.).
6. *Mysliteli Gretsii. Ot mifa k logike: soch.* (Thinkers of Greece. From myth to logic: works.). Moscow, 1998. 832 p.
7. Korshunov G. P. *Mesto i rol sotsialnoy mifologii v strukture massovogo soznaniya* (The place and role of social mythology in the structure of the mass consciousness). Minsk, 2009. 208 p.
8. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1929. 250 S. (Russ. ed.: Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, 1994. 700 p.).
9. Khrenov N. A. Ot epokhi bessoznatel'nogo mifotvorchestva k epokhe refleksii o mife (From the era of reflection on the unconscious myth-making in the era of reflection on the myth). *Mifi khudozhestvennoe soznanie XX veka* (Myth and artistic consciousness of the XX century). Ed. by N. A. Khrenov. Moscow, 2011, pp. 11–82.
10. Kravchenko I. I. *Politicheskaya mifologiya: vechnost i sovremennost* (Political mythology: the eternity and modernity). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1999, no. 1, pp. 3–17.
11. Kolev A. N. *Politicheskaya mifologiya: Realizatsiya sotsialnogo opyta* (Political mythology: Implementation of social experience). Moscow, 2003. 384 p.

УДК 001.3

НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Косыхин Виталий Георгиевич –

доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы становления и развития науки как социального института в пространстве технократической цивилизации. Выявляется альтернатива технологического и технократического подходов к научному знанию. Демонстрируется сущностное единство естественных и гуманитарных наук на основе общности их технократической организации. Ставится проблема влияния глобальной экономики и процесса интернационализации научных институтов на современные реформы образовательных систем ведущих стран мира. Подчеркивается необходимость выработки новых стратегий взаимодействия науки и общества. Дается анализ состояния научного знания с точки зрения феноменологии и философии постмодерна.

Ключевые слова: наука, техника, мышление, технология, технократия.

Прочитанные М. Хайдеггером в 1953 г. два доклада «Наука и осмысление» и «Вопрос о технике» вывели на новый уровень философское осмысление проблем бытия науки в эпоху господства техники. Признавая факт ведущей роли научного знания в современной культуре, осознаваемой, прежде всего, как культура технических достижений и инноваций, Хайдеггер

ставит вопрос о сущности научно-технического подхода к пониманию мира, о технике и техническом отношении к окружающему как факторах, определяющих жизнь современного человека. Он приходит к выводу, что основания понимания роли и значения техники находятся не в сфере технического, а в области мышления, которое по-особому, техническим образом представляет себе истину бытия. Это мышление укоренено в представлении о наличном, данном, предстоящем как единственно возможном и поэтому определяется Хайдеггером через понятие *Gestell* (в русском переводе «постав»). Поскольку техническое мышление, согласно Хайдеггеру, имеет тенденцию к упрощению и обеднению понимания бытия мира и человека, он видит в нем существенную опасность: «Постав, однако, подвергает риску не только человека в его отношении к самому себе и ко всему, что есть. В качестве миссии он посылает человека на путь раскрытия потаенности способом поставления. Где господствует последнее, изгоняется всякая

другая возможность раскрытия потаенности <...> Где правит постав, на всякое раскрытие потаенного ложится печать управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии. Управление, организация, обеспечение не дают обнаружиться даже своей собственной основной черте, а именно этому раскрытию как таковому <...> Господство постава грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [1, с. 233–234].

Исходя из двойственного значения греческого слова *techné* как умения и как искусства, Хайдеггер вводит оппозицию технического и поэтического, рассматривая последнее как спасительную форму человеческого бытия в условиях техногенной цивилизации.

При всей значимости предпринятого Хайдеггером онтологического анализа проблемы научно-технического мышления, нам представляется более подходящим рассмотреть эту проблему несколько иначе, учитывая процессы, разворачивающиеся в области науки и образования за последние десятилетия, и опыт их осмысления современной философией. Оставаясь внутри науки и не переходя в сферу поэтического, мы полагаем, что техническое мышление в науке может находиться и, соответственно, рассматриваться в сфере влияния двух подходов: технологического и технократического. Первый из них укоренен в области собственно научно-исследовательской деятельности, тогда как второй является следствием функционирования науки как социального института в условиях современной жизни общества. Анализ различия этих двух подходов к научному познанию мира и является темой данной статьи.

Существование современной науки как социального института опирается на определенное мировоззрение. Оно наиболее адекватно соответствует принятой научной картине мира и имеет своей главной целью наиболее эффективное использование природных и интеллектуальных ресурсов в интересах человечества. Поскольку в условиях современной глобальной цивилизации акцент ставится, в первую очередь, на экономическую продуктивность, вполне правомерно выглядело бы определение такой науки как во многом технократической, т.е. вписанной в систему функционирования общественных институтов управления. Техническая наука при подобном понимании вещей вовсе не противоположна науке социально-гуманитарной. Имея, в сущности, одни и те же основополагающие структурные и методологические предпосылки и критерии

научной деятельности, современные социально-гуманитарные науки, несмотря на определенные различия с науками естественными, вполне подходят под определение технократических наук. Это внутреннее, сущностное родство между естественными и социально-гуманитарными науками имеет свое основание не только в одинаково институциональном характере этих двух областей научного знания, что вызвано необходимостью адекватного реагирования на общественные ожидания, но и в том сущностном единстве, которое характеризует проект Новоевропейской науки в целом. В некотором смысле именно общественные ожидания являются весьма действенным стимулом для формирования тех стандартов точности, доказуемости и объективности, к которым стремится современная наука. Другое дело, что сами эти общественные ожидания вызываются необходимостью соответствия современному мировоззрению, т.е. определенной картине мира, в свою очередь, находящей свое оправдание в европейской философии последних столетий, неразрывно связанной с рождением и развитием того феномена, который мы привычно обозначаем термином науки Нового Времени.

Становление науки как социального института начинается в XVII в., сначала в качестве проекта нового универсального методологического познания и преобразования мира в философии Ф. Бэкона и Р. Декарта, который завершится созданием первой научной механистической картины мира в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона (1685). Необходимость общественной организации науки в эту эпоху получает признание в учреждении субсидируемых правительствами европейских стран первых научных организаций – Французской академии (1635), Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (1660), Берлинской академии наук (1700) и Петербургской академии наук (1724). Научные организации были призваны координировать усилия ученых, в первую очередь, в области разработки и внедрения технологических инноваций. Все это принесло существенные плоды уже в XVIII в., когда эпоха Просвещения вместе с реформой университетского образования и начавшейся промышленной революцией делает науку неотъемлемой частью жизни общества, переходящего на индустриальный путь развития.

В XVII–XVIII вв. происходит полная реформа философии, завершающаяся реформой всех наук. В эмпиризме и рационализме Нового времени было осознано универсальное единство наук через общность методологических подходов. Конкретные науки мыслились формами

такого универсального знания. Причем подобное понимание было прерогативой не только фило-софов, но и самих ученых-практиков.

Усиление потребностей общества в широкой индустриализации, наступление промышленной революции и рост научного самосознания в XIX в. вывели на первый план естественные науки, призванные решать конкретные, прежде всего, технические задачи, уже не нуждаясь в предполагаемом философией метафизическом универсальном обосновании. Такая постановка вопроса была в принципе неприемлема для формирующейся институционально-эмпирической науки, которая все более осознает себя социальным институтом, а не видом познания, зависимым от принципов и методов современной метафизики. По сути дела, это означало кризис того проекта структуры научного знания, знания вообще, которое еще в XVII в. отождествлялось Декартом с философией, подобной дереву, чьим корнем является метафизика, стволом – физика, а ветвями – остальные науки. Что интересно, сам Декарт отождествлял методы и доказательства философии с математикой, постулируя пространство научного теоретико-методологического знания как *mathesis universalis*. Это, бесспорно, имело свои онтологические основания, так или иначе разделяемые такими крупнейшими учеными, как И. Ньютон или Г. В. Лейбниц.

Однако если мы обратимся от теории бытия к реальному положению вещей, сложившемуся в современной науке, то сразу же бросается в глаза его радикальное отличие от декартовского проекта: современное научное знание, представляющее в виде многочисленных конкретных наук, в различной степени между собою связанных, не мыслит метафизику в качестве своего корня. Конкретные науки вроде бы не испытывают в этом никакой нужды, пытаясь добыть собственные мировоззренческие предпосылки напрямую из предмета своего изучения в основном методом экстраполяции.

Попытка возрождения в измененном виде прежнего картезианского подхода для нахождения общей основы для философии и конкретных наук была предпринята в XX в. феноменологией Э. Гуссерля. Его система универсальной феноменологии ставила задачей выявление общей априорной формы возможного мира научности вообще через разработку «изначальных понятий», которым, по мысли Гуссерля, надлежало стать «основными понятиями всех наук». Эта позиция никак не могла служить мостом между философией и современными конкретными науками, причем не столько из-за своей формальной утопичности, сколько опять-таки в силу методо-

логической проблематичности для современной технической науки и ее представителей, далеких от феноменологической методологии.

Сегодня мы, возможно, становимся свидетелями новой научной революции, резкого ускорения исследовательских процессов в науке, связанного с переходом общества на качественно новый постиндустриальный, или информационный, уровень развития. Широкое применение компьютерной техники, начиная с последнего десятилетия XX в., повсеместное распространение новых технологий поставили на повестку дня вопросы о роли и перспективах науки в современной цивилизации. Процессы определения приоритетных направлений научных исследований, усиления междисциплинарного научного сотрудничества, создания новых институтов и организации взаимодействия ученых разных стран формируют то теоретическое, технологическое и социальное пространство, в котором живет и развивается наука.

В условиях технократически организованной глобальной культуры научные исследования подвергаются возрастающему контролю со стороны экономических элит, поскольку требуют все больших финансовых вложений, прежде всего, в высокотехнологичные отрасли, что порождает проблему соотношения фундаментальных и прикладных исследований, их значения для будущего самой науки. Ощущается огромная потребность в специалистах, которые отвечают повышенным требованиям и технологическим вызовам современности. Будущее мировой экономики связывают с созданием новых высокотехнологичных рабочих мест. Этим объясняются непрерывные реформы в образовательных системах ведущих промышленно развитых стран мира – России, США, Китая, Великобритании и Франции.

Наука, являясь существенной частью общественной жизни, не может не быть затронута коммерциализацией и усилением господства, выражаясь языком Ж.-Ф. Лиотара, экономического жанра дискурса в современных обществах. То же можно сказать и о дискурсивных практиках современной науки, как технической, так и социально-гуманитарной. Требования повышенной эффективности научной и образовательной деятельности ставят ученых в совершенно новые условия работы и у нас в стране, и за рубежом. Достаточно упомянуть события последних лет – реформу Академии наук в России, преобразования в системе образования и оценке эффективности научных разработок во Франции и Великобритании.

Культурная сфера жизни современных стран активно связана с внедрением новых информа-

ционных технологий в такие традиционные ее сферы, как образовательные учреждения, музеи, библиотеки, кинематограф и музыкальная индустрия. Доступ к источникам информации по всему миру, активные коммуникационные обмены между учеными разных стран переводят науку в состояние «коммуникативного экстаза» (Ж. Бодрийяр), что означает существование в условиях постоянно возрастающей динамики всех видов и форм научной деятельности.

Однако этот процесс несет с собой риск технократической подмены понятия научно-технического прогресса, когда формально технократический подход одерживает победу над подходом содержательно-технологическим. В терминах бодрийяровского анализа он «экзальтирует знаки на базе отрицания вещей, реальности» [2, с. 148]. В результате можно говорить об угрозе господства формы над содержанием в современном понимании и организации научной деятельности со стороны различных общественных институтов. При чисто технократическом подходе к науке и образованию утрачивается понимание сущности и значения процессов, происходящих в этих областях внутри бесконечного обмена знаками между разного рода контрольно-бюрократическими инстанциями. Этот коммуникативный экстаз постмодернистской технократии приводит к вполне предсказуемому итогу, когда наукообразный формализм, говоря словами того же Бодрийяра, принимает свою «экстатическую форму, где он, уже не нуждаясь даже в объекте, бесконечно вращается вокруг самого себя, чтобы, в конце концов, исчезнуть в этом вращении» [3, с. 13].

В этом процессе стирается всякое различие между формой и содержанием научной деятельности, между реальностью и ее знаковой симуляцией. Лучшей аллегорией для выражения этого процесса Бодрийяр считает один из рассказов Борхеса, где речь идет о том, как картографы некоей империи колоссальными усилиями составили детальнейшую карту ее территории. Но закат империи не только сделал напрасным труд картографов, но и привел к забвению карты, которая, будучи никому не нужной, понемногу, как и сама империя, стала добычей песков.

Бодрийяр перетолковывает эту историю в духе технократической современности, где «симуляция носит отнюдь не территориальный характер и, не обладая бытием референта (*d'un être référentiel*), не обладает никакой субстанцией. Она вовсе не является воспроизведением реального, но, скорее, реального без реальности: гиперреального. Территория теперь вовсе не предшествует карте и не служит ей образцом.

Ибо отныне карта предшествует территории, и это – предшествование симулякров» [4, с. 10].

Жажда тотального технократического контроля над наукой и технологиями приводит к обратному результату и оборачивается галлюцинациями царства деталей, пунктов и параграфов, в которых любой научно осмысленный дискурс теряет смысл. Борьба с подобными технократическими тенденциями ведется во многих странах и является одним из ведущих условий развития современной науки. Например, чрезмерно запрограммированные системы образования и науки Франции и Германии стараются перенять опыт гораздо более свободной от бюрократических ограничений англо-саксонской системы, которая сама существует в значительной степени технократизированном пространстве.

Для иллюстрации двух возможных подходов к пониманию организации научных исследований, технократического и технологического, обратимся к концепциям ведущих представителей философии науки И. Лакатоса и П. Фейерабенда.

Концепция Лакатоса ставит в центр своего внимания развитие и конкуренцию научно-исследовательских программ, призванных, по его мнению, сменить громоздкие и устаревшие научные теории в качестве стержневого элемента организации исследовательской деятельности. Теоретический уровень научного познания осуществляется внутри научно-исследовательских программ. Теории обретают свое значение только в свете целей и задач этих программ. Однако здесь возникает вопрос о самом понятии научной программы, вернее, о тех основаниях, на которых строятся программы научных исследований в социализированном, т.е. связанном с общественными ожиданиями (ожиданиями политиков, экономистов, массмедиа – кого угодно, кроме самих ученых) мире современной науки. Программа означает программирование научной деятельности через поэтапный контроль над ее осуществлением, иначе это не программа. При свойственном современному обществу тяготении к технократической унификации всего и вся это может оборачиваться сужением теоретического анализа проблем и утратой связи между фундаментальными и прикладными исследованиями, ограничением свободы научного поиска. К достоинствам этого подхода можно отнести наличие четких критериев оценки результативности труда ученых, хотя сама эта результативность действует в основном на уровне второстепенных прикладных детализаций. Реализация уже имеющихся программ вовсе не подразумевает незапрограммированных открытий, к тому же научная легитимация программ происходит,

как правило, задним числом, что признается и самим Лакатосом в понятии рациональной реконструкции.

Технократическому видению программируемого будущего науки Лакатосом П. Фейерабенд противопоставил свою концепцию «теоретического реализма». Для Фейерабенда он состоит в том, что наше восприятие реальности в науке уже детерминировано фундаментальными теориями. Исследователь всегда смотрит на мир сквозь призму какой-либо теории. Это означает, что в науке не существует «чистого» эмпирического опыта, любой эмпирический опыт уже опирается (явно или скрыто) на какую-то теорию. Не существует и научных фактов, которые бы не зависели от научных теорий. Любой факт становится фактом, только когда он уже интерпретирован в качестве факта научной теорией. Соответственно, язык наблюдений зависит от теоретического языка.

Фейерабенд предлагает свою концепцию развития и роста научного знания, которое возрастает благодаря пролиферации (размножению) теорий. Эти теории являются несоизмеримыми, так как используют различные понятия, методы и мало связаны друг с другом. Фейерабенд трактует сам процесс познания не как постепенное приближение к истине, но как все возрастающий океан малосовместимых альтернатив. Поэтому существует множество равноправных типов знания, которые делают невозможным наличие общей, единой теории познания. Ученый в своей деятельности руководствуется принципом пролиферации или свободного распространения теорий, согласно которому в технологически ориентированной науке «допустимо все». Ученый вправе выдвигать любые гипотезы и теории, и если они плодотворны – хорошо, а если бесполезны или даже ошибочны, то борьба с этими теориями также способствует росту научного знания и внутреннему прогрессу науки.

Подобный технологический подход, сохраняющий постоянное внимание к фундаментальным основаниям науки, позволяющий видеть факты только в свете теории, хорошо коррелирует с некоторыми фактами истории науки, в частности, с созданием теории относительности и квантовой механики. Так, В. Гейзенберг в воспоминаниях о Н. Боре, относящихся к 1922–1927 гг., т.е. к периоду создания квантовой механики, рассказывает, что именно «беседы о физических и философских основаниях атомной теории» позволили им перейти уже на вторую ступень анализа, ступень прикладного физического уточнения и математизации [5, с. 47].

Оппозиция технологического и технократического подходов представляется нам опре-

деляющей как для понимания роли и значения процессов, происходящих в рамках взаимодействия науки и современного общества, так и для решения основных исследовательских задач, стоящих перед наукой и связанной с ней системой образования. Поскольку ни один из этих двух подходов не может быть полностью исключен из современного бытия науки в качестве социального института, то в ближайшие десятилетия возможны, на наш взгляд, лишь два основных варианта развития событий. Либо наука становится более технократической за счет усиления бюрократических процедур программирования и контроля результатов и, как следствие, ослабления своей исследовательской и технологической эффективности, либо она возвращается из плена технократических иллюзий в технологическое измерение исследовательской деятельности. Последнее возможно только через непрограммируемое, а значит и неподвластное полному технократическому контролю (когда технократизм распространяется исключительно на создание формальных условий для научного творчества) переосмысление получаемых наукой результатов в свете содержательного подхода фундаментальных научных и философских теорий.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие* : статьи и выступления. М., 1993. С. 221–238.
2. Baudrillard J. *La société de consommation*. P., 1991. 318 p.
3. Baudrillard J. *Les stratégies fatales*. P., 1983. 273 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. P., 1981. 236 p.
5. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. 368 с.

Science as a Social Institute in the Space of Technocratic Civilization: Problems and Perspectives

V. G. Kosykhin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

The article examines the problems of emergence and development of science as a social institution in the space of technocratic civilization. The alternative of two possible approaches – technological and technocratic – is shown. The essential unity of the sciences and humanities that is based on the community of technocratic organization is demonstrated. The problem of the influence of the global economy and the process of internationalization of research institutes for modern reform of educational systems in leading scientific countries is raised. The necessity to develop new strategies of interaction between science and society is emphasized. The analysis of the condition of scientific knowledge from phenomenological and postmodern perspectives is given.
Key words: science, technics, thinking, technology, technocracy.

References

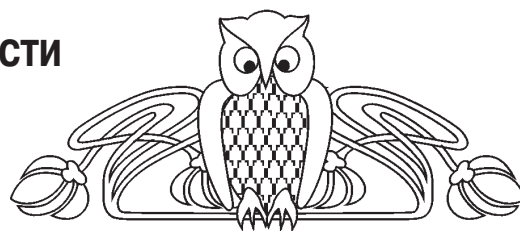
1. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. *Die Künste im technischen Zeitalter*. München, 1954. S. 70–108. (Russ. ed.: Khaydegger M. Vopros o tehnike. *Vremya i bytiye: statyi i vystupleniya*. Moscow, 1993, pp. 221–238).
2. Baudrillard J. *La société de consommation* (The Consumer society). Paris, 1991. 318 p.
3. Baudrillard J. *Les stratégies fatales* (Fatal strategies). Paris, 1983. 273 p.
4. Baudrillard J. *Simulacres et simulation* (Simulacra and simulation). Paris, 1981. 236 p.
5. Heisenberg W. *Schritte über Grenzen*. München, 1973. 313 S. (Geizenberg V. *Shagi za gorizont*. Moscow, 1987. 368 p.).

УДК 167

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Листвина Евгения Викторовна –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: listvamer@yandex.ru

В статье выявляются характерные черты социокультурной трансформации России последних двух десятилетий посредством анализа ее архетипических основ (поиск ключевого события, столкновение архетипов, маргинализация культурных ориентиров). Обозначенные существенные вопросы могут быть решены в рамках актуальной социокультурной ситуации, то есть ситуации, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированной в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого исторического отрезка. Также в статье предложены способы их решения (определение приоритетов государственной культурной политики, поиск ценностного консенсуса, формирование объединяющих духовных оснований отечественной культуры).

Ключевые слова: современная социокультурная ситуация, культурное событие, культурные ориентиры, архетип.

Прежде чем обратиться к весьма актуальной проблеме, занимающей сегодня исследователей современной отечественной культуры, необходимо дать определение социокультурной ситуации как той сферы, в которой мы все находимся и конструируем свое социокультурное бытие. Социокультурную ситуацию можно определить как «совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающихся во времени культурную доминанту процесса общественного развития на личностном, групповом уровнях и уровне социума» [1, с. 11]. Также становится необходимым выявить понятие ориентира, под которым в данной статье понимается направленность научной, общественной деятельности, определение индивидом своего положения в пространстве, в данном случае мы можем сказать, в пространстве культуры.

Все эти вопросы можно решить в рамках актуальной социокультурной ситуации, т.е. такой, которая находится в центре изучения или переживания обществом или личностью и обусловлена сконцентрированными в ней доминантными потоками, определяющими социокультурное развитие изучаемого отрезка. Выявление культурных ориентиров в данном случае – необходимая, насущная потребность социума, который нуждается в определении трендов своего движения и ищет правильную опору в культурных, ментальных основаниях, что отмечается в проекте «Основ государственной культурной политики» 2014 г. [2].

Рассмотрим специфические черты, характеризующие современную российскую социокультурную ситуацию, опираясь на ее архетипические основы. Думается, что архетип как исходное положение, как ядро культуры может служить «культурной универсалией, сопрягающейся с представлением о предельных основаниях культуры, используемой для обозначения базовых и наиболее устойчивых ее первоэлементов, уникальным основанием той или иной локальной культуры; алгоритмом мироустройства, выступающим в качестве системообразующего фактора», создающим единое социокультурное пространство, в котором разворачивается жизнь общества [3].

Если говорить об особенностях русского архетипа, то можно назвать его первой потребностью центральное событие. Именно вокруг него собирается русская культура, строятся ментальные схемы, организуется национальное самосознание, возникает смысл личностного и